

УДК 7.067
ББК 85.7

DOI: 10.30628/1994-9529-2019-15.4-11-25
received 29.06.2019, accepted 26.12.2019

АЛЕКСАНДР САМОЙЛОВИЧ ДРИККЕР

Санкт-Петербургский Государственный университет,
институт философии,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-8987-7591
e-mail: asdrikker@mail.ru

ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ДРЕВО ИСКУССТВА¹

Аннотация. Появление и расцвет новых видов искусств маркирует рубежи культурных эпох. Художественное открытие обновленной картины мира инициируется исканиями абсолютного духа, но реализуется на вполне материальной основе. Базис модификаций искусства — обновление носителей информации и способов ее кодирования. Становление и расцвет станковой живописи, светской литературы и поэзии, а также новых жанров музыкального искусства после Средних веков совершается посредством переноса изображения со стены на полотно, внедрения литерного набора и печатного станка, создания новых музыкальных инструментов. Эволюционному историческому движению отвечает переход к более эффективным носителям и кодам.

Неопределенное состояние актуального искусства (многомиллионные армии художников, миллиарды зрителей и мириады произведений можно счесть как признаком буйного расцвета, так и деградации) — итог глобальной экспансии информационно-коммуникационных технологий. Экран становится средоточием культурной жизни, а диполи машинной памяти — универсальными носителями информации, записанной в двоичном коде. Столь радикальная культурная революция неизбежно отобразится масштабными трансформациями традици-

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-011-00371.

онных форм искусства. Мало того, *прогрессирующее развоплощение искусства* в виртуальной среде и свертка его в молекулярные структуры, сходные с нейронными, дает надежду проникнуть в ядро, скрытое скорлупой формы, и приблизиться к пониманию того, «что такое искусство». Притом, возможно, визуально-электронная эра намечает предел бытования искусства как автономного феномена рациональной культуры. Но творческая энергия, побуждаемая властным эстетическим чувством, способна проявляться в самых разных вариациях игры воображения.

Ключевые слова: визуальная эра, виды искусства, уникальные/ универсальные носители информации, цифровая память, развоплощение искусства

ALEKSANDR S. DRIKKER

St. Petersburg State University,
Institute of Philosophy,
St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-8987-7591
e-mail: asdrikker@mail.ru

IPHILOGENETIC TREE OF ART¹

Abstract. The advent and flourishing of new art forms mark the borders of cultural epochs. Artistic discovery of a renewed image of the world is initiated by the pursuit of the absolute spirit but is realized on a strictly material ground. The basis for art modification lies in the emergence of new information media and its coding modes. The emergence and blossoming of easel painting, secular literature and poetry as well as new musical genres after the Middle Ages are realized by means of a transfer of the image from the wall to the canvas, introduction of typesetting and the printing press and creation of new musical instruments. Evolutionary historical process demands more effective media and codes.

---

¹ 1. The study was completed within the Project supported by the Russian Foundation for Basic Research (№ 19-011-00371).

The undetermined state of the topical art (multimillion-strong armies of artists, billion-strong throngs of spectators and myriads of artworks can be treated either as a sign of a wild blossoming or of degradation) is the result of the global expansion of information and communication technologies. The screen becomes the centerpiece of the cultural life while computer memory cells become the universal media for storing binary coded information. Such a cultural revolution inevitably leads to a large-scale transformation of traditional art forms. Moreover, the progressing disembodiment of art in the virtual environment and its reduction to molecular structures similar to those of neuron networks, gives us a hope to reach the nucleus, wrapped into a shell of a form, and come close to understanding of “what art is.” It may happen that the visual/electronic era will outline the limits of art existence as a separate phenomenon of the rational culture. Nevertheless, the creative energy driven by the overpowering aesthetic emotion may manifest itself in a multitude of imagination games.

Key words: visual era, art forms, unique/universal information media, digital memory, disembodiment of art

Миллионы творящих ныне художников и миллиарды взирающих зрителей — сверхубедительное свидетельство невиданного взлета искусства. Показательно великое множество торжественных мероприятий, массовых конгрессов, представительных фестивалей и конкурсов. Только осенью и в начале декабря 2019 года прошли масштабные международные фестивали в *Санкт-Петербурге* (VIII Санкт-Петербургский Международный культурный форум, Международный скрипичный фестиваль «Ауэр. Наследие», Международный танцевальный фестиваль «Happydance») и в *Москве* (XXXIX Международный музыкальный фестиваль «Декабрьские вечера Святослава Рихтера», II Международный фестиваль актуальной классики «re:Formers», ежегодный международный фестиваль современной музыки «Московская осень»). XXI Международный театральный фестиваль «NET» («Новый Европейский Театр») состоялся сразу в двух российских столицах — в *Москве* и *Санкт-Петербурге* в рамках Театральной олимпиады 2019 и Года театра в России. Среди зарубежных форумов — международные кинофестивали класса «А» в *Италии*

(старейший Венецианский кинофестиваль), в *Испании* (Международный кинофестиваль в Сан-Себастьяно), *Польше* (Варшавский кинофестиваль, крупнейший в Восточной Европе), *Японии* (Токийский международный кинофестиваль), *Египте* (Каирский международный кинофестиваль, единственный аккредитованный на африканском континенте), *Эстонии* (Таллинский кинофестиваль «Темные ночи», один из крупнейших киносмотров Прибалтики и Восточной Европы). Многопрофильные и разножанровые фестивали прошли в *Германии* («Франкфуртская книжная ярмарка», сопровождающаяся концертами и фильмами, «Бетховенфест» в Бонне), во *Франции* (традиционный «Осенний фестиваль в Париже», объединяющий театр, музыку, танцы, кино и изобразительное искусство, «Всемирный фестиваль кукольных театров» в Шарлевиль-Мезьер), в *США* (фестиваль архитектуры и дизайна «Archtober» в Нью-Йорке, фестиваль «Austin City Limits» в «столице мировой живой музыки» Остине, штат Техас), *Канаде* (семидесятидвухдневный биеннале изобразительного искусства в Торонто).

Этот далеко не полный ряд форумов, демонстрирующих достижения художников в сфере разных видов искусств, многократно умножается в виртуальной среде. И те же миллионы-миллиарды режиссеров и зрителей вкупе с триллионами экранных картинок и фотографий вызывают сомнение насчет способности какой-либо ориентации в этом разбухающем несчетном множестве. Показательны и пессимистические заключения, что «искусство стало неактуальным» [1], что «самое актуальное искусство сегодня происходит вне мира искусства» [2]. Такая неопределенность свойственна периодам радикальных изменений. Актуальная задача — оценить настоящую ситуацию и опираясь на те закономерности, которые можно отыскать в истории искусства, *представить перспективы искусства в новой визуальной, экранной фазе культуры и те трансформации сознания, которые можно ожидать в итоге дигитального переворота.* Для решения подобной задачи необходимо вспомнить, как отражались в жизни искусства подобные эпохальные перемены.

НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ И ВИДЫ ИСКУССТВА

Искусство было и остается самым чутким органом культуры. И этот орган всегда маркировал глобальные сдвиги рождением видов искусства [3]. Тектоническая основа эпохальных разломов — смена глубинных психологических установок. Так, на исходе европейского Средневековья, когда религиозные чувства слабели под напором лозунгов гуманизма, обновлялся культурный запрос. При этом меркло торжество храмовой мозаики, рукописная книга не выдерживала давления печатного станка и надолго воцарялись светские жанры литературы, живописи, музыки.

Но являются новые идеи, крутой разворот культурных устремлений — и в XX–XXI вв. весь пласт «классики Нового времени» теряет главенство, трон искусства занимают кинематограф, теле-, фото-, видео-арт. Естественно, что освеженные переживания нуждаются в новых способах их выражения. Технологический прогресс для этого создает базу. Развитие станковой европейской живописи в процессе переноса изображения со стены на доску и на полотно; воспроизведение текста посредством печатного тиражирования, совершенствование музыкальных инструментов — все это можно описать как применение более эффективных систем записи и носителей информации. Причем в эволюции искусства отмечается общее течение. Расцвет литературы связан с неуклонным прогрессом книгопечатания и непрерывным ростом тиражей. То же происходит и в музыке, где технический прогресс обеспечил путь от авторского исполнения трубадура до широкой музыкальной трансляции на весь мир. Закономерность состоит в том, что «развитие искусства сопровождается переходом от носителя, не позволяющего отделить от него информацию (назовем его уникальным), к более прогрессивному, свободно заменяемому — *универсальному носителю*» [4, с. 153], который обеспечивает условия для корректного тиражирования искусства и бескрайнего расширения сферы его влияния.

КОНЕЦ ИСКУССТВА?

Начало третьего тысячелетия отмечено планетарной культурной революцией. Научно-технологический прогресс, следуя движению культуры к всеобщей демократизации, проявляется в глобальной экспансии коммуникационных цифровых систем. В. Беньямин [5] и О. Хаксли [6], оценивая процесс нарастания «производства художественной продукции» с полярных позиций, сходятся в том, что во всех искусствах определяющей становится общая демократическая тенденция. Дар техники удивителен, но весьма агрессивен. Под силу ли искусству справиться с ним?

Масштабная перестройка должна отразиться энергичной реконструкцией художественного мира. И действительно, затухание искусств, властвовавших на предыдущем этапе, очевидно. Сходит со сцены традиционное изобразительное искусство, гаснет звучание классической музыки и даже кинематограф, недавний фаворит современности, сдает позиции: «С кинематографическим театром происходило то же самое, что произошло с живописью и другими классическими искусствами в начале века, с возникновением футуризма и дадаизма» [7, с. 84].

В то же время необычайно растет массовый спрос на культурный продукт, в свете чего в художественной сфере естественно ожидать впечатляющих принципиальных новаций. Но их нет. Яркий новаторский прорыв, способный компенсировать стремительное дряхление традиционных видов, не обнаружить ни в попытках реанимировать авангардное искусство, ни в опытах видео-арта, ни в угнетающем гигантском потоке масскульта.

Прогнозы относительно будущего многообразны. Радикальная гипотеза предполагает угасание искусства как временного культурного феномена со сроком жизни не долее чем новоевропейский период [8, с. 178], в мягком, толерантном сценарии не слишком внятно декларируется пролонгация искусства: «после конца искусства» [9] или «после конца общества» [10]. Но, вероятно, попытка связать проблему бытия/небытия искусства со спянными с ним технологическими воз-

возможностями продуктивнее умозрительных гипотез. Разделяя взгляды Маклюэна [11] на определяющую в современной культуре роль массовых коммуникаций, обратимся вновь к значению носителей информации и способов ее кодирования.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД

В чем особенность нынешнего культурного перехода? Ранее на смену специализированным носителям информации приходили модернизированные универсальные носители того же рода (бумага замещала пергамент, рояль вытеснял клавесин, цветная киноплёнка — черно-белую). И всегда многообразие носителей отвечало многообразию художественных жанров. Однако уже в XIX веке активизируются идеи синтеза искусств. В кинематографе эти идеи получают мощное технологическое подкрепление: завоевание мировой аудитории происходит на почве совершенствования киноаппаратуры и киноплёнки — интегрального носителя, который хранит и звук, и изображение.

Сегодня восприятие все сильнее концентрируется на компьютерном дисплее. Экран — главный носитель, главный источник всей информации. В столь замечательно налаженной коммуникационной среде перед искусством распахиваются фантастические горизонты: высказывание художника будет мгновенно доставлено и прозвучит на весь мир. Отчего же эти мощные потенции так немощно реализуются? Посыл художника в компьютерных сетях доносится до миллионов. Но здесь-то и начинаются сложности. Художники конструировали миры в пространстве особо одаренного сознания, а творческие прозрения предназначались аудитории знатоков. Для встречи с искусством требовался зрительский ценз. Нынешняя электронно-сетевая среда все иерархии и цензы отменила. На роли и творцов и ценителей приглашены буквально все. Великолепно! Но искусство с его неприменной избирательностью просто растворяется в полной, нивелирующей свободе. А между тем атмосфера предвещает изменения и вовсе странные.

РАЗВОПЛОЩЕНИЕ ИСКУССТВА

Господство экрана не только заслонило правившую бал «книжность», но, похоже, завершает вербальную эру. Цифровой прогресс позволил вместо многотрудного плетения буквенных знаков, слов и фраз использовать картинку. Теперь любой долгий рассказ, опосредованное изложение переживаний заменяется порцией фото, лайком и смайликом. Предложение принято с энтузиазмом. А в параллель с явственной элиминацией словесности совершается нечто почти мистическое — *развопложение искусства*. Произведение на экране является после этапа промежуточной трансформации: объект «переводят в цифру», превращают в абстракцию двоичного кода. Теперь именно этот массив двоичных элементов цифровой памяти и есть главный носитель волнующих рифм, картин и мелодий. Диполь машинной памяти — носитель абсолютно универсальный. И абсолютно нейтральный относительно материи человеческих эмоций.

Волшебство искусства предлагает самые разные возможности проникнуть в его поэтическую, метафизическую суть. Но огонь встречи, увы, и в добрые времена вспыхивал не очень часто. А упакованное в абстракцию произведение становится бесплотным, уходит из вещного мира. Что же, искусство окончательно удаляется от телесного, чувственного восприятия? Или делает попытку неожиданным маневром наконец-то пробиться к ленивой, расслабленной комфортом душе?

Представим, что вообще происходит в структурах мозга с тем или иным внешним образом. После восприятия специализированными отделами коры красочные, звучащие впечатления попадают в глубинные отделы мозга. Там, в ядре лимбической, эмоциональной структуры их нейронное отображение уже не связано с конкретными органами чувств, сенситивный образ переводится на некий слепо-глухо-немой «поязык эмоций». Здесь прослеживается определенное сходство процессов технологической оцифровки и органического процесса «обработки» образа и напрашивается предположение о возможном свободном общении эмоциональной нейронной структуры с

программами цифрового ансамбля. Так что, возможно, на горизонте маячит абсолютно новый этап развития искусства, его психического осознания, невероятно интенсивного контакта с «развоплощенным» искусством.

Пока же вечную для искусства проблему инертной аудитории, которую так сложно разбудить, растолкать, решает почти природившийся к людям гаджет. Электронный друг успешно активизирует восприятие и форсирует эмоциональный ресурс посредством экрана и динамика.

ВИЗУАЛЬНАЯ ЭРА

На сегодня видео-фэнтези — знаковый жанр нашего времени. Гигантские аудитории на всех континентах соперничают героям «Аватара», «Игры престолов». Визуальная эра сменила эру вербальную. Мир воспринимается как калейдоскоп картинок с краткими титрами. Уже не слово, а экранный кадр занимает, развлекает, объясняет и побуждает. Экранизации предпочтительнее книг. Экраны определяют моду, вкусы, взгляды и поведение. И ясно, почему. Ключевые слова: быстрее, проще.

Дефицит чувств в сытом обществе только нарастает. Ликвидировать его легче всего в экранно-визуальной среде. Экранный образ захватывает куда сильнее, чем вербальный, не требует усилий и воздействует буквально на уровне физиологических реакций. Чувства откликаются бойко, но, вот, внимание таким бодрим ритмом вытесняется, а чувственное понимание, впадающее в режим инфантильной расслабленности, явно настраивается на облегченные версии культурного продукта. Движение культуры, подобно эволюции природы, всегда определялось наращиванием сложности, не случился ли непоправимый культурный сбой? Есть ли средство поправить дело — насытить простоту общения с экраном глубиной и тонкостью эстетических вождлений?

Девальвация главных институтов вербальной культуры подталкивает к тому, чтобы чаяния связать с ускоренно нарастающей мощью и

ширяющимися возможностями цифровых технологий, близкими, которые можно смело прогнозировать уже сегодня, и более отдаленными. Вторжение виртуальной реальности, ее интенсивное моделирование направит сознание за рациональную перспективу, предполагая синтез образных форм, выходящих за грань обыденного зрения [12], говорящих на утраченном или ещё не обретенном языке эмоций. А близкое подключение безграничной цифровой памяти к персональному сознанию послужит могучим стимулом для ума и воображения.

И, конечно, цифровая эра открывает искусству цифровые горизонты. Сегодняшние, самые первые шаги в этом направлении достаточно наивны. Несмотря на прокламации стремительных движений цифрового искусства (вроде перехода к «постинтернет искусству»), пока можно наблюдать лишь творческое применение компьютерного потенциала или погружение традиционных форм в сетевую среду. Собственно искусство цифровой фазы еще не родилось. Однако осмысление его возможностей, перспектив протекает весьма активно. Проблемы медиаэстетики [13], эстетики цифрового [14], — в фокусе философской дискуссии по проблемам «цифрового разума»: «Цифровое искусство — один из немногих механизмов, позволяющих схватывать и фиксировать неуловимые текущие формы новой реальности; оно и есть тот топос, из которого возможно само мышление о цифровой реальности» [15, с. 274].

Эстетические оценки, перенесенные в цифровое пространство, среду обещают новые взгляды на оппозицию духовного (виртуального) и материального (физического). Вполне конкретное явление искусственного интеллекта в сегодняшней жизни естественно ставит вопрос об «эстетическом чувстве» искусственного интеллекта [15]. Л. Париси с радикальной позиции связывает будущее с алгоритмической эстетикой, которая связана с алгоритмической обработкой, представлением о чувственности, не нуждающейся в телесности [16].

Таким образом, многочисленные убедительные признаки, такие как очевидное затухание традиционных форм искусства, явление в

цифровой культуре виртуальной реальности, активное продвижение искусства в сетевой среде, свидетельствуют, что в филогении искусства наблюдается смена фаз. Экспансия цифровых носителей информации, несмотря на то, что они радикально отличаются от всех предшествовавших, — ответ на потребность, эволюционную необходимость обновления мировоззрения и мировосприятия. Фазовый переход в культуре обещает свежие классы чувств, а следом, вероятно, и виды художественного творчества, жанры, филогенетическую стадию искусства.

Сознание, раскрепощенное, освобожденное от социальной конкуренции в сетевой среде, вновь обретет утраченную в рациональной спешке эйдетиическую склонность к яркому, полному восприятию образов. Притом психическое ускорение и его прогресс, который неминуемо последует за технологическим, способно расширить границы восприятия, обеспечить проникновение в те дальние дали, где восприятие неизмеримо обостряется и усложняется, где являются непредставимые виды эмоций, а, стало быть, и виды искусства. Возможно ли? Или духовные потери — плата за цифровые дары — невозполнимы, и возродить сложность переживаний, свойственную эпохе взлета «литературы и искусства», невозможно? Природа, однако, творила всякие чудеса. Эволюционный пример — история цветового зрения, которое было утрачено на пути преобразования рептилий в племя млекопитающих, но возродилось у антропоидов, дав дорогу человеку-художнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lewis M. How Art Became Irrelevant: A chronological survey of the demise of art // Commentary. 2015. July-August.

URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/how-art-became-irrelevant/> (дата обращения: 03.12.2019).

2. Kaplan I. The most relevant art today is taking place outside the art world // Artsy. 2015. 20 Dec.

URL: <https://www.artsy.net/article/artsy-editorial-the-most-relevant-art-today-is-taking-place-outside-the-art-world> (дата обращения: 03.12.2019).

3. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993. 304 с.
4. Дриккер А.С. Эволюция культуры: информационный подход. СПб.: Академический проект, 2000. 182 с.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.
6. Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки. М.: АСТ, 2019. 352 с.
7. Вирильо П. Машина зрения / пер с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2004. С. 94–140 с.
8. Дриккер А.С., Маковецкий Е.А. Язык числа // Человек. 2017. № 4. С. 173–181.
9. Буден Б. Искусство после конца общества // Художественный журнал. 2010. № 79–80.
URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/17/article/238> (дата обращения: 28.10.2019).
10. Danto A.C. After the end of art. Princeton: Princeton University Press, 1996. 272 p.
11. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2003. 464 с.
12. Parisi L., Potanova S. Soft thought (in architecture and choreography) // Computational Culture. 2011. November.
URL: <http://computationalculture.net/soft-thought/> (дата обращения: 28.10.2019).
13. Voss C. Asthetik im Verhältnis zur Medienphilosophie // Denken und Disziplin. Workshop der deutschen Gesellschaft für Asthetik / J. Rebentisch (Hg.). 2017. 10 p.
URL: http://www.dgae.de/wp-content/uploads/2017/06/dgaeX_dud_voss.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
14. Warnke M. Asthetik des Digitalen — Das Digitale und die Berechenbarkeit // Zeitschrift für Asthetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 2014. № 59, pp. 110–118. DOI: <https://doi.org/10.28937/1000106248>
15. Кириллов А.А. Цифровое искусство как критика цифрового разума // Критика цифрового разума / под ред. В.В. Савчука. СПб.: Академия исследования культуры, 2018. С. 258–276.
16. Manovich L. Automating aesthetics: Artificial intelligence and image culture.
URL: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-visualizing-cultural-patterns> (дата обращения: 28.10.2019).

17. Parisi L. Contagious architecture: Computation, aesthetics, and space. London: The MIT Press Cambridge, 2013. 391 p.
URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/700702/2058a3c0e374900b2873d017b712c509.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).

REFERENCES

1. Lewis M. How Art Became Irrelevant: A chronological survey of the demise of art. *Commentary*. 2015. July-August.
URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/how-art-became-irrelevant/> (accessed 03.12.2019).

2. Kaplan I. The most relevant art today is taking place outside the art world. *Artsy*. 2015. 20 Dec.
URL: <https://www.artsy.net/article/artsy-editorial-the-most-relevant-art-today-is-taking-place-outside-the-art-world> (accessed 03.12.2019).

3. Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline Of Europe]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1993. 304 p.

4. Drikker A.S. *Evoluciya kul'tury: informacionnyj podhod* [The evolution of culture: an informational approach]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., 2000. 182 p.

5. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: izbrannye esse* [A work of art in the age of its technical reproducibility: selected essays]. Moscow: Medium Publ., 1996. Pp. 15–65.

6. Haksli O. *O divnyj novyj mir* [Brave new world]. Moscow: AST Publ., 2019. 352 p.

7. Viril'o P. *Mashina zreniya* [Vision machine]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. Pp. 94–140.

8. Drikker A.S., Makoveckij E.A. Yazyk chisla [The language of numbers]. *Chelovek* [Man]. 2017. № 4, pp. 173–181.

9. Buden B. Iskusstvo posle konca obshchestva [Art after the end of society]. *Hudozhestvennyj zhurnal* [Art magazine]. 2010. № 79–80.
URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/17/article/238> (accessed 28.10.2019).

10. Danto A.C. *After the end of art*. Princeton: Princeton University Press, 1996. 272 p.

11. Maklyuen M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: external human extensions]. Moscow, Zhukovskiy: KANON-press-C: Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p.

12. Parisi L., Potanova S. Soft thought (in architecture and choreography). *Computational Culture*. 2011. November.
URL: <http://computationalculture.net/soft-thought/> (accessed 28.10.2019).
13. Voss C. Ästhetik im Verhältnis zur Medienphilosophie. *Denken und Disziplin. Workshop der deutschen Gesellschaft für Ästhetik*. Ed. by J. Rebentisch. 2017. 10 p.
URL: http://www.dgae.de/wp-content/uploads/2017/06/dgaeX_dud_voss.pdf (accessed 28.10.2019).
14. Warnke M. Ästhetik des Digitalen — Das Digitale und die Berechenbarkeit. *Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*. 2014. № 59, pp. 110–118. DOI: <https://doi.org/10.28937/1000106248>
15. Kirillov A.A. Cifrovoe iskusstvo kak kritika cifrovogo razuma [Digital art as a critique of the digital mind]. *Kritika cifrovogo razuma* [Critique of the digital mind]. Ed. by V.V. Savchuk. St. Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury Publ, 2018. Pp. 258–276.
16. Manovich L. Automating aesthetics: Artificial intelligence and image culture.
URL: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-visualizing-cultural-patterns> (accessed 28.10.2019).
17. Parisi L. *Contagious architecture: Computation, aesthetics, and space*. London: The MIT Press Cambridge, 2013. 391 p.
URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/700702/2058a3c0e374900b2873d017b712c509.pdf> (accessed 28.10.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

АЛЕКСАНДР САМОЙЛОВИЧ ДРИККЕР

доктор культурологии,
профессор кафедры музейного дела и охраны памятников,
Санкт-Петербургский Государственный университет,
Институт философии,
Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-8987-7591

e-mail: asdrikker@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

ALEKSANDR S. DRIKKER

Doctor of Cultural Studies,
Professor, Chair of Museum Studies and Monument Protection,
St. Petersburg State University,
Institute of Philosophy,
St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-8987-7591

e-mail: asdrikker@mail.ru